

RU

Лингвистические и семиотические механизмы репрезентации культурной идентичности в современной англоязычной прозе: пространство, телесность и язык

Дубовицкая М. А., Камалова С. Д.

Аннотация. Цель исследования – выявить механизмы репрезентации культурной идентичности через взаимодействие семиотических ресурсов пространства, телесности и языка в современной англоязычной прозе постколониального и миграционного пограничья. В статье рассмотрены пространство, телесность и язык как компоненты репрезентации культурной идентичности в современной англоязычной прозе, отражающей взаимодействие британского и американского социокультурных контекстов с южноазиатским, африканским и восточноазиатским культурным опытом; данные компоненты выступают средствами категоризации и позиционирования участников межкультурного взаимодействия. Научная новизна исследования состоит в предложении трехкомпонентной модели «пространство – тело – язык» как единого комплекса семиотического конструирования идентичности в современной англоязычной прозе культурного пограничья. Полученные результаты показали, что семиотическое пространство мультикультурной прозы является социально значимой и культурно организованной средой, задающей контекст для идентификации участников кросс-культурной коммуникации; телесность выступает в роли манифеста о принятии/непринятии культуры мейнстрима; в то время как язык становится индикатором социального позиционирования и механизмом социального распознавания и конструирования идентичности. При этом культурная идентичность формируется и распознается в художественном тексте во взаимодействии всех трех компонентов выявленной модели.

EN

Linguistic and semiotic mechanisms of cultural identity representation in contemporary English-language prose: space, corporeality, and language

M. A. Dubovitskaya, S. D. Kamalova

Abstract. The purpose of the study is to identify the mechanisms of cultural identity representation through the interaction of semiotic resources of space, corporeality, and language in contemporary English-language prose of postcolonial and migratory borderlands. The article examines space, corporeality, and language as components of cultural identity representation in contemporary English-language prose that reflects the interaction of British and American sociocultural contexts with South Asian, African, and East Asian cultural experiences; these components act as means of categorizing and positioning participants in intercultural interaction. The scientific novelty of the research lies in proposing a three-component model of “space – body – language” as a unified complex of semiotic identity construction in contemporary English-language prose of cultural borderlands. The obtained results showed that the semiotic space of multicultural prose is a socially significant and culturally organized environment that sets the context for identifying participants in cross-cultural communication; corporeality acts as a manifesto of acceptance/rejection of mainstream culture; while language becomes an indicator of social positioning and a mechanism of social recognition and identity construction. Furthermore, cultural identity is formed and recognized in a literary text through the interaction of all three components of the identified model.

Введение

На рубеже XX–XXI вв. в англоязычной литературе все чаще стали подниматься темы идентичности, постколониального опыта, миграции, пересечения культурных и географических границ, а также концепции

«внедомности» (Чемякин, 2022) и гибридности (Толкачев, 2022). Принадлежность к нескольким этническим сообществам и необходимость неоднократно находить свое место в обществе во многом определяют литературный процесс писателей, которые могут отнести себя к разным культурным традициям и чей опыт охватывает разные грани их идентичности.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью разработки комплексных подходов к изучению языковой репрезентации культурной идентичности в современном художественном дискурсе в условиях возрастающей культурной мобильности. Обращение к совокупности семиотических ресурсов позволяет установить, каким образом пространственная принадлежность, телесность и языковое поведение персонажа взаимодействуют друг с другом, образуя единую систему смыслов и участвуя в конструировании его культурной идентичности. Исследование данной проблемы значимо для дальнейшего развития лингвистических методов анализа художественного текста, ориентированных на описание сложных, динамических и контекстуально обусловленных форм культурной идентичности.

Богатство и разнообразие литературы культурного пограничья привлекают внимание как зарубежных исследователей (Boehmer, 2005; Ashcroft, Griffiths, Tiffin, 2002; Gilroy, 1993), так и отечественных ученых (Толкачев, 2019; 2022; Шевченко, 2022; Струкова, 2015). В отечественном литературоведении часто встречается термин «мультикультурная литература» (Толкачев, 2019; Струкова, 2015), однако в зарубежной традиции существуют разные термины и разные подходы к изучению творчества авторов, находящихся на пересечении культур. Это объясняется тем, что в последнее время все чаще можно слышать критику в отношении классификации литературных произведений, основанную на противопоставлении литературного центра и литературы «другого», которая является этнически специфичной. Представляется целесообразным рассматривать изучаемые явления шире – во всей культурно-пространственной множественности современной англоязычной прозы в условиях миграции и многоязычия, колониального наследия и транснациональной мобильности, с учетом социального контекста (Kusumawati, Santioso, Laksmi, 2026). Вместе с тем в настоящем исследовании в целях экономии изложения используется термин «мультикультурная литература», однако его употребление носит преимущественно операциональный характер и не предполагает противопоставления рассматриваемых произведений некоему литературному «центру».

Одним из центральных вопросов мультикультурной литературы является культурная идентичность, которая проявляется как динамическая позиция во время непрерывного взаимодействия с «другим» в постоянно меняющемся окружении (Bhabha, 1994, p. 73). Необходимо отметить, что формирование идентичности происходит не только посредством языка, речевого стиля и произношения, но включает весь пространственно-временной фон, в котором аспекты внешности, телесности, жестов и поведения играют огромную роль. Опираясь на семиотический подход, ориентированный во многом на изучение художественного текста как «особым образом структурированное пространство», акцентирующий внимание на роли культуры в восприятии человеком информации о внешнем мире и позволяющий выстраивать обобщающие модели на основе константных семантических фрагментов (Завьялова, Злыднева, Седакова, 2023, с. 7-8), данное исследование предлагает рассмотреть такие компоненты формирования идентичности в художественном мультикультурном тексте, как пространство, телесность и язык в их взаимодействии.

В рамках исследования были поставлены следующие задачи:

- рассмотреть семиотическое пространство как социально и культурно организованную среду категоризации идентичности в современной англоязычной прозе;
- изучить функционирование метафоры телесности в контексте межкультурного взаимодействия в современной англоязычной прозе, отражающей постколониальный опыт;
- проанализировать языковые средства культурного позиционирования в англоязычном художественном тексте;
- апробировать модель «пространство – тело – язык» на материале англоязычных художественных произведений, репрезентирующих взаимодействие британского и американского социокультурных контекстов с южноазиатским, африканским и восточноазиатским культурным опытом, и определить ее аналитический потенциал в конструировании культурной идентичности.

В работе использовались следующие методы исследования: метод теоретического анализа для изучения теоретических оснований рассмотрения пространства, телесности и языка как ресурсов репрезентации культурной идентичности; интерпретативный метод для исследования пространства, телесности и языка как отдельных способов конструирования идентичности; семантический и лингвостилистический методы, позволявшие выявить языковые средства, актуализирующие пространственные, телесные и языковые маркеры идентичности; а также прагматический и контекстуальный методы анализа художественного текста для апробации функционирования целостной модели «пространство-тело-язык» в выстраивании идентичности.

Объектом исследования выступили языковые способы репрезентации идентичности в художественных произведениях современной англоязычной прозы. Предметом исследования стали лингвистические средства, с помощью которых язык, телесность и пространство выступили маркерами инаковости, культурной принадлежности и социальной оценки.

Материалом исследования послужили современные произведения художественной англоязычной литературы, в которых прослеживается постколониальный опыт или опыт «пограничья». Были тщательно проанализированы романы: “Brick Lane” Моники Али (Ali, 2003), “Americanah” Чимаманды Нгози Адичи (Adichie, 2013), “The Woman Warrior: Memoirs of a Girlhood Among Ghosts” Максина Хонг Кингстон (Kingston, 1989), “The Book

of Echoes” Розанны Амаки (Amaka, 2020), а также рассказ “The Arrangers of Marriage” Чимаманды Нгози Адичи (Adichie, 2017). Исследование модели «пространство-тело-язык» не ограничивается перечисленными произведениями, однако представленный корпус отвечает целям и объему настоящей статьи и содержит тексты, наглядно демонстрирующие взаимодействие пространственных, телесных и языковых маркеров идентичности. В данных произведениях можно наблюдать пространственное и географическое разнообразие, различные речевые маркеры статуса и положения, оценку внешности и поведения, а также столкновение различных культурных норм. В качестве единиц анализа были взяты фрагменты художественного текста с описаниями пространства, телесных и языковых признаков. Особое внимание уделяется фрагментам, которые сочетают в себе сразу три признака.

Теоретическую базу исследования составили постколониальная теория «третьего пространства» Хоми Бхабхи (Bhabha, 1994), концепция социального производства пространства Анри Лефевра (2015), а также реляционное понимание пространства согласно Дорин Мэсси (Massey, 2005). Необходимо упомянуть также рассуждения о пространстве в художественном тексте Ю. М. Лотмана, согласно которому «пространство в тексте есть язык моделирования, с помощью которого могут выражаться любые значения, коль скоро они имеют характер структурных отношений» (1986, с. 4). Как будет показано в статье, предлагаемая модель (пространство-тело-язык) является целостной структурой, неизменно присутствующей в художественном дискурсе пограничья. Кроме того, Ю. М. Лотман (1986) говорил о способности пространства приобретать метафорический характер в художественном тексте, что также актуально для данного исследования. Тема телесности имплицитно отражена в положениях Питера Коуза (Caws, 1994) о культурных, транскультурных и мультикультурных компонентах идентичности. Питер Коуз (Caws, 1994) утверждает, что повседневные практики неминуемо влекут за собой телесность, так как любой проживаемый опыт задействует органы чувств и ощущения от смены среды. Бернхард Вальденфельс (1999) в своей философской концепции респонзивной феноменологии переосмыслил отношение к инаковости не через присвоение и ассимиляцию, а через ответ, заявление себя. Именно это «ответвление» (респонзивность) конституирует субъективность. Стоит также упомянуть концепцию расово-эпидермической структуры Франца Фанона (2022) и теории социальной идентичности и стигмы Ирвинга Гофмана (2001). Теоретическим основанием анализа языка послужил социокультурный лингвистический подход к идентичности Мэри Бухольц и Киры Холл (Bucholtz, Hall, 2005), где идентичность рассматривается как постоянно меняющаяся величина в результате языковых и других семиотических практик. Для изучения совместного функционирования пространства, тела и языка были исследованы принципы геосемиотики Рона Сколлона и Сюзанны Вонг Сколлон (Scollon, Scollon, 2003), согласно которым у пространства есть коммуникативные свойства и дискурсообразующие свойства. Дополнительную теоретическую опору составляет концепция метролингвизма Аластера Пенникука и Эми Оцудзи (Pennycuik, Otsuji, 2015), подчеркивающая взаимосвязь города, людей, языка и повседневности. Авторы концепции пытались понять механизмы языкового разнообразия в динамичной городской среде.

На первом этапе исследования мы анализировали пространство, телесность и язык как самостоятельные компоненты репрезентации культурной идентичности, а на втором – рассматривали эпизоды их совместного функционирования в рамках модели «пространство – тело – язык».

Практическая значимость работы состоит в возможности использования полученных результатов при разработке и преподавании спецкурсов по лингвистике текста, дискурс-анализу, семиотике художественного текста и межкультурной коммуникации, а также в практике преподавания английского языка для развития навыков интерпретации художественного текста и межкультурной компетенции.

Обсуждение и результаты

Пространство как среда категоризации

В современной англоязычной литературе пространство рассматривается как социально и культурно организованная среда, в которой осуществляется формирование идентичности субъекта. Согласно Анри Лефевру (2015, с. 26, 33, 38–39), пространство конструируется обществом и закрепляет в своей структуре действующие социальные практики, нормы, идеологии и иерархии. Анри Лефевр также писал о важности повторения и различия в пространстве: «Подобно плотскому телу живого существа, пространственное тело общества... не может существовать без порождения, без производства, без создания различий» (2015, с. 386). Дорин Мэсси (Massey, 2005, р. 9) тоже акцентирует внимание на том, что пространство – это продукт взаимодействий и сфера одновременного существования множества неоднородных траекторий, которые постоянно изменяются и остаются незавершенными. У Мэсси (Massey, 2005, р. 59) также есть положение о пространстве как об одновременном множестве культурных, биологических и биографических линий, бесконечных в своей незавершенности.

В постколониальной теории Хоми К. Бхабхи (Bhabha, 1994, р. 36–39) встреча различных культурных позиций осмысливается через понятие «третьего пространства» высказывания, где возникают новые смыслы, а культурные значения подвергаются повторной артикуляции и интерпретации. В результате возникновения промежуточного пространства и утраты культурной гегемонии приходит разнообразие культурных форм и практик (Bhabha, 1994, р. 1–4). Человек в социокультурном локусе находится в системе классификаций, посредством которой его происхождение, язык, внешность и поведение распознаются и оцениваются как свои или чужие, нормативные или отклоняющиеся. Таким образом, пространство выступает как среда категоризации

и участвует в социальном маркировании идентичности. Топос проявляется через отношение к *иному* как к границе, а ландшафт идентичности формируется через отношение к *другому* (Штайн, 2024).

В романе “Brick Lane” Моники Али (Ali, 2003) городское пространство Лондона становится средой культурной и социальной категоризации, которая подвергает идентичность трансформации и интерпретации. Главная героиня Назнин после заключения договорного брака покидает бангладешскую деревню и оказывается в лондонском Ист-Энде, в многоквартирном доме в районе Тауэр-Хамлетс среди приезжих и иммигрантов. Именно перемещение в пространстве запускает цепочку ее личных трансформаций:

Nazneen walked. She walked to the end of Brick Lane and turned right <...>. She sensed rather than saw, because she had taken care not to notice. But now she slowed down and looked around her <...>. Nazneen, hobbling and halting, began to be aware of herself. Without a coat, without a suit, without a white face, without a destination (Ali, 2003, p. 58). / Назнин шла дальше. Она дошла до конца улицы Брик-Лейн и свернула направо <...>. Сейчас она скорее чувствовала, чем видела, потому что прежде старалась ничего не замечать. Но теперь она замедлила шаг и огляделась вокруг <...>. Назнин, прихрамывая и то и дело останавливаясь, начала все острее ощущать саму себя: без пальто, без костюма, без белого лица, без определенной цели (здесь и далее перевод наш. – М. Д., С. К.).

Пространственная динамика этого контекста передается через сочетание фраз “walked to the end”, “turned right”, “slowed down” и “looked around” и через повтор глагольных конструкций с лексемой “walked”. Таким образом, мы можем наблюдать не только за перемещением главной героини, но и за ее восприятием благодаря семантическому противопоставлению глаголов “sensed” и “saw” в контексте. Главной героине сложно ухватить то, что ее окружает, ее ощущения предваряют рациональное осознание, более того, Назнин сама выбирает путь перцептивного дистанцирования, о чем нам говорит придаточная конструкция причины (because she had taken care not to notice). Однако противительный союз “but” и наречие времени “now” в предложении “But now she slowed down and looked around her” указывают на перелом и изменение отношения к действительности от пассивного наблюдения к осознанному восприятию. Собственная инаковость становится очевидной как никогда (began to be aware of herself) под взглядом другого в чуждой ей городской среде. Психологическая и физическая неуверенность передается глагольными формами, построенными на аллитерации начального /h/ (hobbling и halting), которые намекают на затрудненность и прерывистость. Анафорический ряд отрицательных конструкций (without a coat, without a suit, without a white face, without a destination) становится кульминацией этого фрагмента. Сопротивление пространству объясняется отсутствием признаков и черт, присущих данной среде, что видно из четырехкратного повторения предлога “without”, в то время как предложные дополнения “without a coat, without a suit”, образующие описание элементов одежды, относятся к социальной презентации; предложное дополнение, выраженное словосочетанием “without a white face” относится к расовой категоризации, а заключительное дополнение (without a destination) указывает на социально-экзистенциальный план физического отсутствия.

В финальном эпизоде романа уже совершенно иная модель взаимодействия с городским пространством:

In front of her was a huge white circle, bounded by four-foot-high boards. Glinting, dazzling, enchanting ice <...>. The crisscross patterns of a thousand surface scars, the colors that shifted and changed in the lights, the unchanging nature of what lay beneath <...>. No sequins, no short skirt. She wore jeans. She raced on, on two legs <...>. ‘But you can’t skate in a sari.’ Razia was already lacing her boots. ‘This is England,’ she said. ‘You can do whatever you like’ (Ali, 2003, p. 494). / Перед ней был огромный белый круг, огражденный бортиками высотой около четырех футов. Это был сверкающий, ослепительный, завораживающий лед <...>. Его поверхность была испещрена тысячами царапин, а цвета переливались в свете ламп, но то, что было в глубине, оставалось неизменным. Никаких блесток, никакой короткой юбки. На ней были джинсы. Она устремилась вперед <...>. «В сари на коньках не покатаешься». Разия уже зашнуровывала ботинки. «Это Англия», – сказала она. – «Здесь можно делать все, что хочешь».

Ряд обособленных причастий (glinting, dazzling, enchanting) указывает на зрительное и эмоциональное воздействие, где пространство играет совершенно иными красками для главной героини и привлекает своим светом, изменчивостью и блеском. Семантика подвижности передается глагольными синонимами (the colors that shifted and changed) и уравнивается фразой, подчеркивающей устойчивость основания (the unchanging nature of what lay beneath). Лексема “scars” (букв. «шрамы, раны») совмещает телесную семантику с семантикой пространства, а изменчивость с устойчивостью. Отрицательные конструкции (no sequins, no short skirt) ломают стереотипный образ женской одежды, а утвердительное предложение (She wore jeans) фиксирует обыденность и удобство одежды. Главная героиня романа чувствует себя частью пространства Лондона, где она может создавать собственные формы присутствия. Перформативная функция фразы “You can do whatever you like” еще раз доказывает право Назнин действовать по своему усмотрению.

Как мы видим, пространство в романе “Brick Lane” является динамическим и формирует идентичность героини: ощущение собственной инаковости сменяется переопределением культурной принадлежности, а пространственная дезориентация – обретением собственной траектории в окружающей действительности.

Метафора телесности в межкультурном взаимодействии

Как отмечает Питер Коуз (Caws, 1994), изначально идентичность не является результатом нашего собственного выбора. По сути, она «навязана» извне (Caws, 1994, p. 371). Эта мысль близка идее Вальденфельса (1999, с. 127) о внутрикультурной чуждости, согласно которой человек рождается и обнаруживает себя в мире, который был ранее сотворен не им, получает имя от других людей, познает себя сквозь призму отношений

с другими людьми, видя себя в зеркале чужого взгляда. О том, что же происходит при осознании своей идентичности на межэтническом или, точнее, межрасовом уровне, писал в своей работе «Черная кожа белые маски» Франц Фанон, отразивший травматичность такого познания: «Осознание тела – деятельность в высшей степени отрицающая. Поскольку речь идет об осознании себя в третьем лице» (2022, с. 103).

Человек участвует в дальнейшем конструировании своей идентичности, в том числе отказываясь от некоторых элементов родной культуры, опираясь при этом не только на межличностные отношения, то есть опять же отношения с другими людьми, но и на то, что Коуз (Caws, 1994) называет транскультурными и мультикультурными элементами внешнего мира. Под транскультурными он подразумевает физические элементы природного мира, такие как само человеческое тело и окружающая среда, в то время как под мультикультурными Коуз имеет в виду процессы и продукты культурной деятельности человека (Caws, 1994, р. 372). Коуз (Caws, 1994) подчеркивает, что понимание своей идентичности носит рефлексивный характер и проявляется в том числе в отношении человека с самим собой, не только с другими людьми. Важную роль при этом играют и отношения человека с физическими характеристиками себя самого, а также чертами и элементами окружающего мира (Caws, 1994, р. 382).

Как отмечает И. Гофман, «для человека чрезвычайно важно, что именно его внешность сообщает о его социальной идентичности тем, с кем он пересекается» (Goffman, 1963, р. 58). Развивая эту идею, Е. А. Гольман (2015, с. 35) подчеркивает, что телесность человека и его внешность играют важную роль в формировании его социальной идентичности, а значит и в процессе восприятия другими людьми в ходе взаимодействия. Неслучайно в 80-е гг. 20 века начинается развитие нового научного направления – «социологии тела», которое позволило взглянуть на тело человека не только как на взаимодействие природы и общества, реализующее удовлетворение физиологических потребностей (например, сон, употребление пищи и т. д.) через регулируемые обществом, а значит культурно обусловленные практики, но и как на центральное понятие политической борьбы, результат «политики тела» в конкретном обществе, ведь тело отдельно взятого человека подчиняется определенному регулированию и организации в интересах целой популяции (Turner, 2008, р. 40). Рассмотрение телесности как социального феномена, инкорпорирующего социальные нормы и действия, возвращает нас к мысли о выстраивании идентичности в условиях межкультурного взаимодействия и/или конфликта.

Обращаясь к идеям Фанона (2022, с. 104) в этом случае, отметим, что диалектические отношения между телом человека и окружающим миром, выстроенные во временном и пространственном измерениях, наталкиваясь на взгляд Другого, в контексте работы Фанона – взгляд Белого, «создавшего меня из тысячи фрагментов, обрывков фактов, анекдотов, рассказов», претерпевают разрушение: телесная структура как таковая распадается, человека настигает историчность с ее культурно значимым контекстом, и речь идет уже о «расово-эпидермической структуре», делающей человека «заложником собственной внешности» (2022, с. 108). Тем не менее, согласно Коузу (Caws, 1994), формирование идентичности неизбежно сопровождается осознанием и желательным принятием своей телесности и физиологии. Этот транскультурный, по Коузу (Caws, 1994, р. 382), компонент идентичности, как уже отмечалось выше, неразрывно связан с культурным (воздействие родной культуры) и мультикультурным (расширение горизонтов познания разнообразия культур) компонентами.

Доминирование эстетической парадигмы «белый – значит красивый», которой был пропитан колониальный дискурс, в эпоху постмодернизма, наконец, начинает встречать сопротивление (Shohat, Stam, 1994, р. 313). Призыв к альтернативному взгляду на красоту и эстетичность стремительно проникает в массовую культуру, кинематограф и литературу, превращая тело человека в «холст для репрезентации» (“canvas of representation”) (Hall, 2014), который способен раскрыть проблемы миноритарной идентичности и – глубже – проблемы колоризма и интернализованного расизма, которые указывают на определенную иерархию цвета внутри этнических или расовых групп (Shohat, Stam, 1994, pp. 314-315). В середине 20 века Фанон отмечал: «...поскольку цвет кожи – непосредственная и наиболее очевидная (в буквальном смысле) характеристика расы, он стал критерием, на основе которого формируется отношение к людям, вне зависимости от их социальных достижений и уровня образованности» (2022, с. 111). С тех пор авторы, режиссеры, философы и музыканты подвергают критическому анализу восприятие цвета кожи, текстуры и цвета волос, черт лица как оценочных маркеров привлекательности и статуса. Особое внимание уделяется положению цветных женщин (women of colour), которые испытывают на себе двойное давление со стороны патриархальной системы и стандартов европоцентричной эстетики (Spivak, 2020; Shohat, Stam, 1994, р. 314).

Проблема женской телесности, в частности с точки зрения психологии, зачастую связана с «отчужденным отношением личности к себе в аспекте телесности» (Станковская, 2011, с. 7), с дистанцированием от своего тела, обесцениванием собственной внешности, что может объясняться в том числе «ограниченностью эстетических идеалов современности, противоречащей телесному разнообразию реальных женщин» (Станковская, 2011, с. 9). Восприятие собственного тела как того, «что можно “иметь”», нежели как то, «чем можно “быть”» приводит к объективации тела, что может иметь как положительные последствия, как, например, обретение духовной свободы и возможностей для личностного развития, так и отрицательные, как то: нарушение целостности личности, низкая самооценка, понимание тела как объекта, который нуждается в исправлении. Е. Б. Станковская (2011, с. 7) указывает, с одной стороны, на роль дискурса современности в закреплении отчужденного отношения женщины к своей телесности, а с другой стороны, на рост интереса к телесному бытию и принятию своей внешности.

Так, в англоязычном романе “Americanah” нигерийской писательницы Чимаманды Нгози Адичи (Adichie, 2013), который вышел в свет в 2013 году, главная героиня Ифемелу, родом из Нигерии, перебралась

в США, где она успешно ведет блог о межрасовых отношениях в Америке. В рамках этого блога и в рамках всего произведения автор создает метафору HAIR AS RACE METAPHOR, в которой стиль укладки волос женщинами африканского или афроамериканского происхождения отражает их желание или нежелание соответствовать культуре большинства в США. Обратимся к фрагменту из блога, который представлен в романе как текст в тексте под своим заголовком “A Michelle Obama Shout-Out Plus Hair as Race Metaphor” («Мишель Обама и волосы как метафора расовой идентичности»):

So the other day I say to her [the white girlfriend] – I wonder if Michelle Obama has a weave, her hair looks fuller today, and all that heat every day must damage it. And she says – you mean her hair doesn’t grow like that? So is it me or is that the perfect metaphor for race in America right there? Hair. Ever notice makeover shows on TV, how the black woman has natural hair (coarse, coily, kinky, or curly) in the ugly “before” picture, and in the pretty “after” picture, somebody’s taken a hot piece of metal and singed her hair straight <...>. Because, you see, it’s not professional, sophisticated, whatever, it’s just not damn normal (Adichie, 2013, p. 367). / На днях я сказала ей [белой девушке]: «Интересно, не наращенные ли волосы у Мишель Обамы, сегодня у нее волосы еще более густые, хотя ежедневная укладка должна их испортить». А она мне: «Ты хочешь сказать, что это не ее натуральные волосы?» Так вот, мне кажется, что волосы и есть прекрасная метафора расы в Америке. Вы когда-нибудь замечали в телевизионных шоу о преображении, что у чернокожей женщины на фотографии «до» натуральные волосы – жесткие, туго завитые, курчавые или вьющиеся, – а на фотографии «после» кто-то уже взял раскаленный металлический прибор и выпрямил их <...>. Вы понимаете, это считается непрофессиональным, неуточенным – каким угодно, – просто, черт возьми, ненормальным.

Разговорный стиль блога, напоминающий устную речь с вопросительными предложениями, эллипсисом (Ever notice...), вводными фразами (you see), сленгом (damn) и т. д., позволяет в доступной форме донести до читателя сложную социально-политическую проблему, мало знакомую представителям культуры мейнстрима, а именно проблему восприятия телесности цветной женщины в США. Синонимичный ряд прилагательных, описывающих разнообразие естественных волос у женщин африканского происхождения (coarse, coily, kinky, or curly) в сочетании с оценочным прилагательным “ugly” наглядно демонстрирует стереотипный взгляд на женскую красоту и эстетичность в начале 2000-х в США.

Выпрямление волос для афроамериканок или африканок в США символизирует в романе потерю, стирание своей идентичности ради возможности попасть в корпоративный мейнстрим, построить успешную деловую карьеру, не думая о негативных последствиях, связанных с выпадением волос и онкозаболеваниями. Обратим внимание на описание процедуры выпрямления волос в салоне красоты и на комплимент парикмахера, выпрямившего волосы главной героине, стремящейся получить высокую должность в пиар-агентстве:

Ifemelu felt only a slight burning, at first, but as the hair-dresser rinsed out the relaxer, Ifemelu’s head bent backwards against a plastic sink, needles of stinging pain shot up from different parts of her scalp, down to different parts of her body, back up to her head.

“Just a little burn,” the hairdresser said. “But look how pretty it is. Wow, girl, you’ve got the white-girl swing!”

Her hair was hanging down rather than standing up, straight and sleek <...>. The verve was gone. She did not recognize herself. She left the salon almost mournfully; while the hair-dresser had flat-ironed the ends, the smell of burning, of something organic dying which should not have died, had made her feel a sense of loss (Adichie, 2013, p. 250). / Сначала Ифемелу чувствовала легкое жжение, но когда она запрокинула голову над пластиковой раковиной, чтобы парикмахер смыла средство для химического выпрямления волос, острая, колющая боль словно иглами пронзила разные участки кожи головы и распространилась по телу. «Всего лишь немного пощиплет», – сказала парикмахер. – «Но посмотри, как красиво. Ого, девочка, теперь у тебя волосы прямо как у белой!» Ее волосы, прямые и гладкие, теперь не торчали <...>. Непослушные локоны в прошлом, а ее саму не узнать. Покидала салон она с тяжелым чувством утраты: пока парикмахер выпрямляла кончики утюжком, она почувствовала запах гари, запах чего-то живого, что умирало, но не должно было умирать.

Задействование в рассматриваемой метафоре телесности разных органов чувств – и тактильных ощущений (needles of stinging pain), и обоняния (the smell of burning, of something organic dying) – создает эффект синестезии, усиливая воздействие метафорического образа на читателя. В свою очередь, использование эпитета “white-girl (swing)” с положительной коннотацией (pretty) противопоставляется семантическому полю с центральной семой безжизненности (hanging down, mournfully, dying, died, loss), подчеркивая неестественность нового внешнего вида главной героини.

Метафора телесности HAIR AS RACE METAPHOR раскрывается в том числе и с помощью саркастичного использования метаобраза, то есть осознаваемых носителями одной культуры стереотипных представлений о себе, бытующих среди носителей другой культуры. Иными словами, метаобраз дает понять: мы знаем, что именно вы о нас думаете (Камалова, 2020, с. 59). Обратимся к следующим примерам из романа “Americanah”:

(1) I have natural kinky hair. Worn in cornrows, Afros, braids. No, it’s not political. No, I am not an artist or poet or singer. Not an earth mother either. I just don’t want relaxers in my hair – there are enough sources of cancer in my life as it is (Adichie, 2013, p. 368). / От природы у меня жесткие курчавые волосы. Я заплетаю их в афрокосячки по голове или трехпрядные косы, или просто делаю естественную объемную прическу не из принципиальных соображений, не потому что я художница, поэтесса, певица или борец за все натуральное. Я просто не хочу пользоваться выпрямителями для волос – в моей жизни и без того достаточно факторов риска рака.

(2) My full and cool hair would work if I were interviewing to be a backup singer in a jazz band, but I need to look professional for this interview, and professional means straight is best... (Adichie, 2013, p. 252). / Мои классные

пышные волосы круто смотрелись бы, если бы я была бэк-вокалисткой в джазе, но для этого собеседования мне нужно выглядеть профессионально, а значит, лучше всего с прямыми волосами...

В первом случае образ девушки афроамериканского происхождения с жесткими кудрявыми волосами, естественно убранными в афрокосички, переходит в стереотипный образ афроактивистки, поэтессы или певицы, для которой брейды являются частью социально-политического имиджа, что создает метаобраз афроамериканки, демонстрирующий предвзятое отношение представителей мейнстрима к естественной эстетике цветных женщин. Во втором примере метаобраз демонстрирует интернализированный расизм, проявляющийся в усвоении и принятии героиней африканского происхождения предрассудков против своей же расы.

Взаимосвязь телесности, пространства и культурной идентичности отчетливо проявляется и в романе "Brick Lane" Моники Али (Ali, 2003). В уже приводимом в предыдущем разделе примере инаковость Назнин конструируется относительно имплицитной нормы, выраженной словосочетанием "a white face". Белизна оказывается немаркированным признаком принадлежности к городскому пространству, тогда как небелое тело становится заметным и требующим категоризации. Такой способ описания сближает эпизод с рассуждением Фанона (2022) о переходе от непосредственного телесного самовосприятия к осознанию себя «в третьем лице», когда тело начинает восприниматься через исторически и культурно обусловленный взгляд Другого. Однако роман М. Али (Ali, 2003) показывает, что визуальная категоризация не ограничивается бинарной оппозицией «белый – небелый». Телесные признаки используются и для разграничения различных групп внутри самой мигрантской среды, что возвращает нас к понятию интернализованного расизма. Так, характеризую репутацию района, супруг Назнин Чану утверждает:

'A substantial property,' said Chanu <...>. 'This area is very respectable. None of your Sylhetis here. If you see a brown face, you can guarantee it's not from Sylhet' (Ali, 2003, p. 108). / «Тут дорогая недвижимость, репутация район, никаких тебе силхетцев. Если и увидишь смуглое лицо, то можно с точностью сказать, что этот человек не из Сильхета».

В данном высказывании словосочетание "a brown face" функционирует как метонимическое обозначение человека, при котором субъект редуцируется до визуально воспринимаемого телесного признака. Однако цвет кожи здесь не только противопоставляет мигранта белому британскому большинству, но и становится частью внутригрупповой классификации. Силхетское происхождение связывается в речи Чану с низким социальным статусом и нереспектабельностью, тогда как отсутствие силхетцев используется им как доказательство престижа района. Внешность позволяет не просто отнести человека к определенной расовой, этнической или региональной группе, но и приписать ему предполагаемый социальный статус. Визуально воспринимаемые признаки тела включаются в систему социальных оценок, в которой различие легко преобразуется в неравенство. Именно эта связь между телесным различием и социальной иерархией лежит в основе европоцентрических представлений о красоте.

Не только интернализированный расизм, но и колоризм, то есть предвзятое отношение к людям с более темным цветом кожи и более благосклонное отношение к людям с более светлым цветом кожи внутри расовой группы представителей цветного населения, являются сутью парадоксального ответа главного героя рассказа "The Arrangers of Marriage" Ч. Н. Адичи (Adichie, 2017). Девушка Чиназа родом из Нигерии, сосватанная проживающему долгое время в США нигерийскому врачу Офодиле, неожиданно узнав уже после проведения свадебной церемонии в Нигерии о том, что ради получения американского гражданства он состоит в официальном, пусть и фиктивном, браке с гражданкой США, задает отчаянный вопрос о мотивах его решения жениться именно на Чиназе:

"Why did you marry me", I asked <...>. "I was happy when I saw your picture," he said, smacking his lips. "You were light-skinned. I had to think about my children's looks. Light-skinned blacks fare better in America" (Adichie, 2017, p. 184). / «Почему ты женился на мне?» – спросила я <...>. «Ты мне понравилась на фотографии», – сказал он, причмокнув губами. – «У тебя светлая кожа, нужно думать о детях. Светлым чернокожим в Америке живется легче».

Сентенция "Light-skinned blacks fare better in America" в качестве ответа на серьезный и важный вопрос Чиназы является кульминацией рассказа, полного других «правил», которым Офодиле обучает молодую пока еще не состоявшуюся жену.

Свод правил, разбросанных по всему рассказу, как видно, содержит прежде всего рекомендации, позволяющие обрести новую идентичность, слиться с культурой мейнстрима, отказавшись от своей родной культуры. Однако если переучить язык, принять новое имя, приобрести новые привычки кажется возможным, то преодолеть свою телесность очень сложно. Тем парадоксальнее звучат истинные мотивы, стоящие за сделанным Офодиле выбором в пользу именно Чиназы: оксюморонное словосочетание "light-skinned blacks", включенное в сентенцию "Light-skinned blacks fare better in America", указывает на обыденность и закоренелость стереотипного отношения к цветному населению США как со стороны культуры большинства, так и внутри расовых групп африканского происхождения.

Выстраивание цветовой палитры оттенков темной кожи происходит и в упомянутом выше романе "Americanah" Ч. Н. Адичи (Adichie, 2013), однако, как это ни странно, как и в случае с рассказом "The Arrangers of Marriage" более светлый тон кожи волнует героя мужского пола, что указывает на то, что этим вопросом задаются как женщины, так и мужчины.

Прочитываем отрывок из другого знакового для американской и мировой литературы произведения. В 1976 году в США был издан знаменитый роман "The Woman Warrior: Memoirs of a Girlhood Among Ghosts" американской писательницы китайского происхождения Максин Хонг Кингстон (Kingston, 1989), в котором повествуется о жизни китайских иммигрантов в США и освещается проблема их идентичности. Проблема

женской телесности раскрывается в основном в контексте именно женственности и феминности, обретения женской самости. Тем больше обращает на себя внимание следующий отрывок из романа:

I met again the poor girl I had tormented. She had not changed. She wore the same clothes, haircut, and manner as when we were in elementary school, no make-up on the pink and white face, while the other Asian girls were starting to tape their eyelids. She continued to be able to read aloud (Kingston, 1989, p. 151). / Я снова увидела ту бедняжку, которую мучила когда-то. Она совсем не изменилась: та же одежда, прическа, манера держаться, что и в начальной школе, без макияжа на розово-белом лице, в то время как другие азиатские девушки уже начинали подклеивать скотч на веки. Она по-прежнему могла читать вслух.

Упоминание того, как азиатские девочки в США в средней школе используют наклейки для век, делается вскользь, не помещается в позицию выдвигания, в которой с помощью зевгмы (She wore the same clothes, hair cut, and manner) оказывается описание обиженной когда-то главной героиней девочки, указывающее на неизменность ее образа. Реплика об использовании клейкой ленты для создания двойного века не получает дальнейшего объяснения или комментария, отчего создается впечатление, что данная процедура общеизвестная и носит обыденный характер. Считается, что создание дополнительной складки на верхнем веке у девушек азиатского происхождения, которые в силу своей расовой принадлежности обладают монолидными глазами (без складки), позволяет «распахнуть» взгляд и приблизиться к западным стандартам красоты.

Из приведенных выше отрывков видно, что аспекты красоты и телесности получили широкое освещение в англоязычной художественной литературе авторов, затрагивающих вопросы идентичности на фоне европейских и западных эстетических парадигм.

Язык как средство культурного позиционирования

Пространство, как видно, задает определенную социокультурную среду, внутри которой внешность, жесты и манеры подвергаются анализу и оценке, однако именно язык позиционирует и характеризует эти признаки. Информация о происхождении, образовании, социальном статусе и степени включенности в общество передается через речь персонажа – лексический выбор слова, акцент, произношение, кодовое переключение, стилистические и грамматические особенности, языковые варианты могут указывать на степень чуждости или причастности к определенному обществу или коллективу. Язык является индикатором социального позиционирования, а следовательно, и механизмом социального распознавания, конструирования и формирования идентичности. Мэри Бухольц и Кира Холл (Bucholtz, Hall, 2005) в рамках своего социокультурного лингвистического подхода писали о том, что идентичность формируется и становится доступной в процессе речевых высказываний и индексируется с помощью имплицатур, речевых стилей и языковых структур.

Неразрывная связь языка, социального статуса и пространства прослеживается в упомянутом выше романе “Brick Lane” М. Али (Ali, 2003) в эпизоде, где описана первая самостоятельная прогулка Назнин по Лондону. Заблудившись в незнакомом городе, Назнин сталкивается с мужчиной, который последовательно обращается к ней на нескольких языках:

Someone tapped her on the shoulder and she leaped like a dog away from a whip snake <...>. He said something. Nazneen recognized Hindi when she heard it, but she didn't understand it. He tried again, in Urdu <...> but the man's accent was so strong that she could not understand it either <...>. He spoke in English this time <...>. She shook her head again and said, 'Sorry.' <...> and in spite of the fact that she was lost and cold and stupid, she began to feel a little pleased. She had spoken, in English, to a stranger and she had been understood and acknowledged. It was very little. But it was something (Ali, 2003, p. 63). / Кто-то похлопал ее по плечу, и она отпрянула в испуге, словно собака от ядовитой змеи <...>. Мужчина что-то сказал на хинди, но она не разобрала слов, он попробовал обратиться к ней на урду <...> но из-за акцента она снова не поняла его <...>. Затем он заговорил по-английски <...>. Она снова отрицательно покачала головой и произнесла: «Sorry [Извините]» <...>, но несмотря на то, что в данный момент она чувствовала себя потерянной, замерзшей и глупой, ей стало немного легче. Она поговорила на английском с незнакомцем, и ее поняли и услышали. Это была сущая мелочь. Но все-таки это было хоть что-то.

Переключение на хинди, урду и английский между Назнин и незнакомцем указывает на акт языковой категоризации – по внешности мужчина относит героиню к южноазиатскому языковому сообществу и пытается подобрать соответствующий языковой код, однако успешной коммуникации не получается. На реплику на английском языке Назнин отвечает односложно (sorry), однако прагматическое значение этой фразы выходит далеко за пределы выражения извинения. У этой лексемы в данном контексте есть метакоммуникативная функция – Назнин выходит за рамки своих языковых ограничений и пытается стать участником коммуникации. Это минимальное высказывание, не имеющее глубокой смысловой нагрузки, является важным сигналом о переходе от безмолвного объекта чужого внимания к позиции участницы речевого взаимодействия. В рамках исследования Бухольц и Холл (Bucholtz, Hall, 2005) идентичность Назнин возникла непосредственно во взаимодействии и интеракции, а конкретное коммуникативное событие явилось необходимым для этого условием.

Дальнейшее развитие языковой проблематики в романе М. Али (Ali, 2003) связано с разрывом поколений и различиями в мировосприятии между Назнин и ее мужем и их дочерью Шаханой. Если для Назнин и ее супруга английский язык является ограниченным и постепенно усвояемым ресурсом, то для рожденной в Лондоне Шаханы это язык повседневного общения и собственной актуальной идентичности, в отличие от бенгальского, на котором говорят родители. Поэтому краткий ответ Шаханы “It's OK” (Ali, 2003, p. 321), произнесенный по-английски вместо ожидаемого родителями ответа на бенгальском, можно рассматривать

как случайный акт культурного позиционирования. В этой короткой фразе есть несоответствие пропозиционального и индексального уровней: на пропозициональном – согласие и принятие ситуации, а на индексальном ответ на английском языке для героини означает дистанцирование от предлагаемой отцом бенгальской языковой идентичности. Лаконичность фразы говорит о нежелании вступать в дискуссию и стремлении установить границу.

Иную модель взаимодействия с английским языком представляет Максин Хонг Кингстон в также уже упоминавшемся романе *“The Woman Warrior: Memoirs of a Girlhood Among Ghosts”* (Kingston, 1989). Если для Назнин произнесенное по-английски слово “sorry” становится первым коммуникативным шагом, то для героини Кингстон даже приветствие (“hello”) вызывает немоту и приводит к утрате голоса:

When I went to kindergarten and had to speak English for the first time, I became silent. A dumbness – a shame – still cracks my voice in two, even when I want to say “hello” casually, or ask an easy question in front of the check-out counter, or ask directions of a bus driver. I stand frozen, or I hold up the line with the complete, grammatical sentence that comes squeaking out at impossible length. “What did you say?” says the cab driver, or “Speak up,” so I have to perform again, only weaker the second time. A telephone call makes my throat bleed and takes up that day’s courage. It spoils my day with self-disgust when I hear my broken voice come skittering out into the open (Kingston, 1989, p. 136). / Когда я пошла в детский сад и мне пришлось впервые заговорить по-английски, я не могла произнести ни слова. Меня охватывают немота и стыд, мой голос раскалывается надвое, даже когда я хочу просто сказать «привет», задать простой вопрос у кассы или спросить дорогу у водителя автобуса. Я замираю как вкопанная или задерживаю всех, стараясь выдать грамматически выверенное, полное предложение, которое в итоге с писком выдавливается из меня и кажется бесконечно долгим. «Что вы сказали?» – переспрашивает таксист, или «Говорите громче», и мне приходится повторять все заново, только во второй раз мой голос звучит уже слабее. Мое горло кровоточит из-за телефонного звонка, и смелости, накопленной за день, как не бывало. Я чувствую отвращение к себе весь день, когда слышу свой ломаный голос, робко вырывающийся наружу.

Перед нами развернутый металингвистический комментарий, в котором английский язык вызывает не только коммуникативное, но и психологическое отчуждение (A dumbness – a shame), которое проявляется на телесном уровне (I stand frozen; makes my throat bleed; I hear my broken voice). Одна метафора (cracks my voice in two) передает расщепление языковой идентичности, а другая (my broken voice come skittering out into the open) – потерю самости и аутентичности. Обращенные к героине реплики, которые можно трактовать как метапрагматические сигналы (“What did you say?” и “Speak up”), заставляют фиксировать свое внимание на голосе, что препятствует взаимодействию, а также воспринимать собственную речь через предполагаемый взгляд и слух другого. Важную функцию здесь несет глагол “perform”, который превращает речь из естественного средства общения в вынужденное действие с высокой степенью самоконтроля, где грамматически правильная речь (the complete, grammatical sentence) не придает уверенности, но делает все высказывание неестественным, а говорящего превращает в англоязычного субъекта. В этом отрывке язык проявляется в теле, здесь голос связывает языковую и телесную стороны.

Таким образом, видно, что в мультикультурной литературе язык и телесность находятся в одном поле взаимодействия, а культурная идентичность как динамическая категория формируется в ситуации межкультурного общения. Не только речь, но и голос, жесты, реакции являются механизмами саморепрезентации.

Триада «пространство – тело – язык» в конструировании идентичности

В приведенных выше примерах видно, что пространство, язык и телесность не проявляются отдельно в художественном тексте, они часто переплетаются и проявляются в едином узоре. Культурная идентичность распознается на основании всех признаков сразу: пространственное положение, внешность и языковые ресурсы, таким образом, целесообразно рассматривать в едином комплексе семиотического конструирования идентичности. Теоретическим основанием такого подхода может служить геосемиотика Рона Сколлона и Сюзанн Вонг Сколлон (Scollon, Scollon, 2003). В рамках геосемиотического подхода, который включает в себя семиотику, лингвистическую антропологию и социальную психологию, исследователи предлагают интерпретировать язык как «материально размещенный в мире» (Scollon, Scollon, 2003, p. xi), а выбор именно термина «геосемиотика» объясняется тем, что их основной интерес направлен на «те знаковые системы», которые находятся за пределами собственно языка и организуют его функционирование в окружающем мире (Scollon, Scollon, 2003, p. 111). Пространство, по мнению авторов подхода, активно участвует в производстве значения наряду с языковыми и телесными ресурсами.

Если у Сколлона и Сколлон индексальность рассматривается как фундаментальное свойство языка и соотносится с конкретной временно-пространственной ситуацией, то в исследовании Мэри Бухольц и Киры Холл (Bucholtz, Hall, 2005) акцент больше смещается в сторону социальной интерпретации индексальных значений. Идентичностная позиция субъекта складывается из таких характеристик, как образованность, этничность, социальный статус, степень интегрированности, а также выбор языка, произношение, выбор построения высказывания и так далее.

Аластер Пенникук и Эми Оцудзи (Pennycook, Otsuji, 2015, p. 137) также изучают связь языка с городской средой и разрабатывают концепцию метролингвизма, согласно которой город описывается как своего рода палимпсест – пространство, в котором тексты на разных языках наслаиваются друг на друга по мере изменения состава населения и социальных характеристик отдельных районов. Коммуникативная практика формируется из изменчивого набора языковых и неязыковых ресурсов, которые участники коммуникации задействуют в зависимости от ситуации.

Рассмотренные подходы позволяют трактовать пространство, язык и телесность как взаимосвязанные семиотические ресурсы, участвующие в формировании культурной идентичности. В художественном тексте они образуют динамическую конфигурацию, значение которой определяется конкретной ситуацией взаимодействия.

В романе “*Americanah*” Чимаманды Нгози Адичи (Adichie, 2013) в эпизоде разговора Ифемелу с эфиопским водителем такси мы видим как все три компонента – пространство, язык и телесность – включаются в единый процесс культурной категоризации:

Her Ethiopian taxi driver said, ‘I can’t place your accent. Where are you from?’ – ‘Nigeria.’ – ‘Nigeria? You don’t look African at all.’ – ‘Why don’t I look African?’ – ‘Because your blouse is too tight.’ – ‘It is not too tight.’ – ‘I thought you were from Trinidad or one of those places.’ <...> ‘You have to be very careful or America will corrupt you.’ (Adichie, 2013, p. 255). / Ее водитель из Эфиопии сказал: «Не могу понять, что у вас за акцент. Откуда вы?» – «Из Нигерии». – «Из Нигерии? Вы совсем не похожи на африканку». – «Почему это?» – «Потому что ваша блузка слишком обтягивающая». – «Не такая уж она обтягивающая». – «Я думал, вы из Тринидада или откуда-то оттуда <...>. Вам нужно быть осторожной, иначе Америка вас испортит».

Водитель сначала пытается определить происхождение Ифемелу по акценту (I can’t place your accent. Where are you from?): особенности произношения воспринимаются как указатель географической и культурной принадлежности. Затем категоризация переносится с языка на внешность (You don’t look African at all), а основанием сомнения является одежда (Because your blouse is too tight), так как тесная блузка не соответствует привычному образу африканской женщины. Пространственный компонент выражен в предупреждении (America will corrupt you) о том, что Америка может представлять опасность для репутации. Из отрывка видно, что идентичность главной героини стала предметом переговоров между ее собственным представлением о себе и представлениями о том, как должна говорить, выглядеть и вести себя «подлинная» африканская женщина.

Сходное взаимодействие пространственных, телесных и языковых маркеров идентичности представлено в романе “*The Book of Echoes*” Розанны Амаки (Amaka, 2020). Во время случайной встречи Майкла и Нгози культурная принадлежность обоих персонажей устанавливается на основании речи, внешности и места проживания:

‘I’m sorry,’ says Michael, almost tripping over her. Ngozi looks up into a pair of brown eyes and all she can think to say is, ‘You’re British, O?’ Michael nods <...> As she speaks, he catches the smoothness of her chocolate skin. *African*, he thinks <...> ‘I swear,’ he says, ‘and this isn’t a line, but you look...kind of familiar <...> Do you live in London? South?’ ‘Yes, O, Stockwell. You?’ ‘Brixton’, he answers. *Definitely African*, he thinks (Amaka, 2020, p. 324). / «Извините», – сказал Майкл, чуть не налетев на нее. Нгози взглянула и увидела его карие глаза и все, что она смогла вымолвить, это: «Вы же британец, да?». Майкл кивнул <...>. Пока она говорила, он заметил гладкость ее шоколадной кожи. «Африканка», – подумал он <...>. «Клянусь», – говорит он, – «и это вовсе не подкат, но вы выглядите... как-то знакомо <...>. Вы живете в Лондоне? На юге?» – «Да, в Стоквелле. А вы?» – «В Брикстоне», – ответил он. «Точно африканка», – подумал он.

Языковой компонент проявляется уже в первом вопросе Нгози (You’re British, O?), который включает сразу два важных момента: героиня не только безошибочно угадывает национальную принадлежность Майкла, что также говорит о ее умении распознавать людей британского происхождения, но и выдает свою соотнесенность с западноафриканской речевой практикой (здесь O – прагматическая частица, характерная для нигерийского английского). Телесная категоризация представлена через детали внешности (a pair of brown eyes, the smoothness of her chocolate skin). Именно внешний облик Нгози вызывает у Майкла внутреннее заключение (African, he thinks). Пространственная принадлежность проявляется через топонимы (Stockwell и Brixton), а акцент и произношение соотносятся с определенной городской средой (Do you live in London? South?), которая ассоциируется с африканскими и карибскими сообществами. Интересно постепенное усиление внутренней категоризации Майкла (сначала “African, he thinks”, затем “Definitely African”), которая полностью формируется только на основании всех трех компонентов: пространственного, телесного и языкового.

Сопоставление двух эпизодов показывает, что идентичность предстает как совокупный интерпретационный эффект нескольких семиотических ресурсов в процессе дискурсивного взаимодействия, а пространство, язык и тело функционируют как взаимосвязанные индексы, образующие целостную картину социального распознавания, которая считывается и интерпретируется участниками коммуникации. Это позволяет рассматривать триаду «пространство-тело-язык» как аналитическую модель, описывающую способы, с помощью которых идентичность проявляется, распознается, интерпретируется и подтверждается в конкретной ситуации.

Заключение

В ходе проведенного исследования мы пришли к следующим выводам. Пространство как социально и культурно организованная среда, согласно А. Лефевру (2015), Д. Мэсси (Massey, 2005), Х. Бхабхе (Bhabha, 1994), претерпевает постоянные изменения, обретая при этом новые смыслы и участвуя в социально-культурном маркировании идентичности. В мультикультурной прозе семиотическое пространство является динамической системой, актуализирующей социально-культурную трансформацию идентичности: от ощущения собственной инаковости к освоению своего пути в пространстве «других», как, например, в произведении “*Brick Lane*” М. Али (Ali, 2003).

Необходимо помнить, что идентичность, согласно концепции П. Коуза (Caws, 1994), формируется под воздействием культурных, мультикультурных и транскультурных элементов внешнего мира. С учетом транскультурного компонента, включающего телесность человека, идентичность в значительной мере оказывается

навязанной извне, особенно когда речь идет о ситуации межрасового взаимодействия, которое, согласно В. Фанону (2022), предопределяется историческим и культурным контекстом коммуникации. В рассмотренных нами произведениях телесность выступает своего рода манифестом собственной идентификации. Так, в романе “Americanah” Ч. Н. Адичи (Adichie, 2013) с помощью рядов эпитетов, метаобразов, разговорного стиля блога, вписанного в произведение как «текст в тексте», выстраивается метафора телесности “hair as race metaphor”, которая символизирует борьбу цветных женщин за обретение своей самости и утверждение своей эстетики. Проблема телесности охватывает широкий спектр внешних данных: это не только текстура волос и цвет кожи, но и разрез глаз, как, например, в произведении “The woman warrior...” М. Х. Кингстон (Kingston, 1989).

Если пространство задает социокультурную среду, а телесность становится объектом анализа и оценки в этой среде, то язык артикулирует и позиционирует результат этого взаимодействия. Речь персонажей мультикультурных произведений характеризуется кодовым переключением, описанием в металингвистическом комментарии особенностей произношения и акцента, стилистических и грамматических отличительных черт. Язык одновременно производит социальное позиционирование и служит механизмом социального распознавания и формирования идентичности. При этом коммуникативным событием может стать не только определенный выбор кода, слова, фразы, как в романе “Brick Lane” М. Али (Ali, 2003), но и выбор молчания, сознательная немота, как в произведении “The Woman Warrior: Memoirs of a Girlhood Among Ghosts” М. Х. Кингстон (Kingston, 1989).

В проанализированных произведениях важная роль отводится интеграции компонентов «пространство», «тело», «язык» в единую модель. Теоретические разработки в рамках геосемиотики Р. Сколлона и С. Сколлон (Scollon, Scollon, 2003) и метролингвизма А. Пенникука и Э. Оцуцзи (Pennycook, Otsuji, 2015) подтверждают, что пространственные, телесные и языковые семиотические ресурсы активно взаимодействуют и производят новые значения и смыслы. Примеры из произведений Ч. Н. Адичи (Adichie, 2013; 2017) и Р. Амаки (Amaka, 2020) демонстрируют конвергенцию трех компонентов модели «пространство-тело-язык» в процессе идентификации персонажей, подтверждая эффективность палимстесного наложения рассматриваемых семиотических ресурсов. Примечательно, что имплицитно модель «пространство-тело-язык» неизбежно встречается в художественной литературе пограничья и, как правило, обретает форму по прочтении всего произведения и при осмыслении скрытых в нем значений, при этом случаи интегративного использования компонентов модели выражают сложные смыслы проблем идентичности и идентификации эксплицитно, обращают на себя внимание одновременным взаимодействием трех семиотических ресурсов («пространство», «тело», «язык»), актуализирующих позиционирование, формирование и артикуляцию идентичности.

Таким образом, предложенная модель «пространство-тело-язык», продемонстрированная на примере художественных произведений Чимаманды Нгози Адичи (Adichie, 2013; 2017), Моники Али (Ali, 2003), Розанны Амаки (Amaka, 2020) и Максина Хонг Кингстон (Kingston, 1989), показала себя продуктивной, поскольку позволяет рассматривать отдельные маркеры культурной принадлежности в своем взаимодействии и переосмыслении. Так, пространство задает фон и контекст интерпретации, телесные характеристики являются визуальными признаками различия и считывания, а язык указывает на социальные и культурные характеристики субъекта. В совокупности мы видим сложный механизм кумулятивного наложения пространственных, телесных и языковых сигналов, с помощью которых персонажи как конструируют собственную принадлежность культурному сообществу, так и подвергаются внешней категоризации со стороны других участников межкультурного взаимодействия.

Рассмотренный материал не исчерпывает всего многообразия современной мультикультурной англоязычной прозы, однако выбранные произведения позволили апробировать предложенную модель на наиболее показательных примерах. Перспектива дальнейшего исследования заключается в расширении корпуса текстов и уточнении типологии взаимодействия пространственных, телесных и языковых маркеров.

Материалы исследования | Research materials

1. Adichie Ch. N. *Americanah*. Knopf, 2013.
2. Adichie Ch. N. *The Arrangers of Marriage* // Adichie Ch. N. *The Thing Around Your Neck*. 4th Estate, 2017.
3. Ali M. *Brick Lane*. N. Y.: Scribner, 2003.
4. Amaka R. *The Book of Echoes*. Doubleday, 2020.
5. Kingston M. H. *The Woman Warrior: Memoirs of a Girlhood Among Ghosts*. N. Y.: Vintage International, 1989.

Источники | References

1. Вальденфельс Б. Ответ чужому: основные черты респонзивной феноменологии / пер. с нем. О. Шпарага // Мотив чужого: сборник / пер. с нем.; науч. ред. А. А. Михайлов; отв. ред. Т. В. Щитцова. Мн.: Прополис, 1999.
2. Гольман Е. А. Женская телесность: теоретические подходы и перспективы социологического исследования: дисс. ... к. соц. н. М., 2015.
3. Завьялова М. В., Злыднева Н. В., Седакова И. А. Предисловие: Взгляд на семиотику из XXI века // Семиотика в прошлом и настоящем: сборник материалов конференции (г. Москва, 11-13 октября 2022 г.). М.: Институт славяноведения Российской академии наук, 2023. <https://doi.org/10.31168/7576-0488-6>
4. Камалова С. Д. Образ «чужих» в мультикультурной литературе с позиции лингвистической имагологии (на материале англоязычной художественной литературы о палестино-израильском конфликте): дисс. ... к. филол. н. М., 2020.

5. Лефевр А. Производство пространства / пер. с фр. И. К. Стаф. М.: Strelka Press, 2015.
6. Лотман Ю. М. От редакции // Семиотика пространства и пространство семиотики (Труды по знаковым системам XIX) / под ред. Ю. М. Лотмана. Тарту: Тартуский государственный университет, 1986. Вып. № 720.
7. Станковская Е. Б. «Мое чужое тело»: формы современного отношения женщины к себе в аспекте телесности // Мир психологии. 2011. № 4.
8. Струкова Е. А. Мультикультурализм и постколониальная тематика в литературном процессе. История и творчество – магистральные темы англоязычного мультикультурного романа // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 7-1 (49).
9. Толкачев С. П. Мультикультурная литература: ответ на новые вызовы XXI века // Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина. 2019. № 2 (63).
10. Толкачев С. П. «Хочу стать другим»: гибридность в постколониальной литературе // Мир науки, культуры, образования. 2022. № 4 (95).
11. Фанон Ф. Черная кожа, белые маски / пер. Д. Тимофеева. М.: Музей современного искусства «Гараж», 2022.
12. Чемякин Е. Ю. Концепция «внедомности» в постколониальной теории // Диалог со временем. 2022. № 81. <https://doi.org/10.21267/AQUILO.2022.81.81.003>
13. Шевченко А. Р. Взаимодействие культур в англоязычной мультикультурной прозе конца XX – начала XXI вв. (Д. Лахири, Ч. Н. Адичи, М. Али, З. Смит): дисс. ... к. филол. н. Казань, 2022.
14. Штайн О. А. Маска. Стратегии идентичности. СПб.: Алетейя, 2024.
15. Ashcroft B., Griffiths G., Tiffin H. The Empire Writes Back: Theory and Practice in Post-Colonial Literatures. 2nd ed. L.: Routledge, 2002.
16. Bhabha H. K. The Location of Culture. L. – N. Y.: Routledge, 1994.
17. Boehmer E. Colonial and Postcolonial Literature: Migrant Metaphors. 2nd ed. Oxford: Oxford University Press, 2005. <https://doi.org/10.1093/oso/9780199253715.001.0001>
18. Bucholtz M., Hall K. Identity and Interaction: A Sociocultural Linguistic Approach // Discourse Studies. 2005. Vol. 7. No. 4-5. <https://doi.org/10.1177/1461445605054407>
19. Caws P. Identity: Cultural, Transcultural, and Multicultural // Goldberg D. T. Multiculturalism: A critical reader. Oxford: Blackwell, 1994.
20. Gilroy P. The Black Atlantic: Modernity and Double Consciousness. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1993.
21. Goffman E. Stigma: Notes on the Management of Spoiled Identity. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1963.
22. Hall S. What Is This “Black” in Black Popular Culture? // Social Justice. 2014. Vol. 20. No. 1-2.
23. Kusumawati P. D., Santioso L. L., Laksmi N. D. From Text to Context: The Social Impact of Contemporary Literary Themes in Multicultural Communities // Journal of Humanities Research Sustainability. 2026. № 3 (1). <https://doi.org/10.70177/jhrs.v3i1.3222>
24. Massey D. For Space. L.: Sage Publications, 2005.
25. Pennycook A., Otsuji E. Metrolingualism. Language in the city // Multilingua – Journal of Cross-Cultural and Interlanguage Communication. 2015. No. 36 (1). <https://doi.org/10.1515/multi-2015-0069>
26. Scollon R., Scollon S. W. Discourses in Place: Language in the Material World. L.: Routledge, 2003. <https://doi.org/10.4324/9780203422724>
27. Shohat E., Stam R. Contested Histories: Eurocentrism, Multiculturalism, and the Media // Goldberg D. T. Multiculturalism: A critical reader. Oxford: Blackwell, 1994.
28. Spivak G. Ch. Can the Subaltern Speak? L.: Afterall Books, 2020.
29. Turner B.S. The Body and Society: Explorations in Social Theory. 3rd ed. L.: Sage. 2008. <https://doi.org/10.4135/9781446214329>

Информация об авторах | Author information

Дубовицкая Мария Анатольевна¹, к. филол. н., доц.

Камалова Софья Дамировна², к. филол. н.

^{1,2} Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации

Maria Anatolyevna Dubovitskaya¹, PhD

Sofia Damirovna Kamalova², PhD

^{1,2} Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University)

¹ m.dubovitskaya@my.mgimo.ru, ² kamalova_s_d@my.mgimo.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 31.07.2026; опубликовано online (published online): 30.09.2026.

Ключевые слова (keywords): культурная идентичность; мультикультурная литература; структурная модель «пространство – тело – язык»; метафора телесности; метролингвизм; cultural identity; multicultural literature; structural model “space – body – language”; metaphor of corporeality; metrolingualism.